

Узник Кардиффа

Бушмин Виктор

Виктор Васильевич Бушмин

Узник Кардиффа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69551599

SelfPub; 2023

Аннотация

Продолжение удивительных и захватывающих дух приключений рыцаря Филиппа де Леви в Испании и Англии. Снова политические интриги, заговоры и вероломные предательства с головой увлекут вас в невероятный мир средневековой рыцарской Европы.

Виктор Бушмин

Узник Кардиффа

ГЛАВА I.

Хорек полез в курятник.

Таррагон. 15 июня 1133г. Дворец.

Робер сидел, в задумчивости облокотившись на резной подлокотник кресла, брови его были нахмурены, что выдавало тяжелые раздумья, захватившие его целиком и полностью. Дверь в комнату, где находился в одиночестве граф Таррагона, тихо скрипнула и из-за нее показалась голова Гуннара – скандинава-наемника, который после захвата графства предводительствовал личной гвардией. Робер Бюрдет граф Таррагонский, он же Филипп де Леви, отвлекся от раздумий, посмотрел в его сторону и кивком головы разрешил скандинаву войти. Когда Гуннар подошел и поклонился ему, Робер произнес:

– Все готово, Гуннар?

Тот молча кивнул в ответ. Робер натужно улыбнулся, протер усталое лицо ладонями и сказал:

– Надеюсь, что они отдадут себе отчет в том, что это дело весьма опасно и, возможно, – он снова нахмурился, – нет!

Почти наверняка они не смогут вернуться живыми...

Швед едва заметно улыбнулся – на его каменном лице, почти лишенном внешних проявлений каких-либо эмоций (словно он был не человек, а каменная скульптура) лишь блеснули на мгновение ледяным блеском светло-голубые глаза.

– Ребята слишком обязаны вам, дон Робер... – медленно, будто по капле, выдавил из себя он. – Они пойдут с вами и в огонь, и в воду...

Робер с недовольным видом покачал головой:

– Слишком обязаны... – словно эхо повторил он слова шведа. – Когда человек обязан, он становится похожим на раба, а не на свободного воина. Блага и привилегии, коими я так щедро одарил их, будут давить на их плечи тяжелыми оковами...

– Нет, сир... – Гуннар тряхнул своими длинными, почти до плеч и аккуратно расчесанными на прямой пробор светлыми волосами. – Нет и еще раз нет, граф! Мои люди хотят отдать долг тому, кто отдал им свое сердце и распахнул настежь свою душу, они не смогут жить с мыслью о том, что оставили вас в одиночку решать вопросы, которые даже всем вместе решить почти не под силу. Они проклянут себя и детей своих вовеки веков, если вы не возьмете их с собой.

– Спасибо, мой верный и храбрый швед, – грустно улыбнулся в ответ Робер. Он посмотрел в глаза Гуннару. – Как я понял, – он кивнул в сторону двери. – Они уже ждут моего

решения за дверью?..

– Да, сир, – Гуннар снова встал и почтительно поклонился. – Все, кого я отобрал, ждут в нетерпении.

Робер хрустнул костяшками пальцев, сжал их в кулаки, слегка ударил ими по подлокотникам, выдохнул и ответил:

– Быть по сему. Знать судьба такая. – Он посмотрел на шведа. – Зови...

Париж. Остров Сите. Дом Сугерия. За месяц до описываемых событий.

Аббат Сен-Дени монсеньор Сугерий скомкал маленький листок провощенного пергамента и бросил его в камин, в котором, потрескивая и разбрасывая искорки, тлели угли. Несмотря на теплые и погожие летние деньки вечерами все еще было прохладно, да и от Сены несло сыростью, что создавало ощущение скорее ранней осени, нежели теплого французского лета. Пергамент быстро почернел, скукожился и, полыхнув голубоватым пламенем, быстро сгорел, не оставляя о себе даже малейшего следа.

Сухонький и сгорбленный монах, в котором, во взгляде и выражении лица которого, тем не менее, угадывалась огромная внутренняя сила, непреклонная воля и железная выдержка, подошел к камину и, взяв в руки большую железную кочергу, на всякий случай пошевелил ею угли, уничтожая даже те мизерные остатки секретного документа, до-

ставленного ему голубиной почтой несколько часов назад.

– Береженого Бог бережет... – вслух произнес он, после чего, развернулся и, подойдя к стрельчатому окну, разукрашенному на новомодный манер витражными стеклами, распахнул его, впуская в сыроватую и немного задымленную комнатку поток свежего ночного воздуха. Он втянул ноздрями его прохладу, напоенную ароматами цветущих груш и яблонь, растущих в изобилии вокруг низенького домика аббата, служившего ему одновременно и домом, и архивом, и, ни много, ни мало, главной квартирой тайной службы Его величества короля Франции Людовика Воителя, которого из-за его фамильной тучности, унаследованной от отца – покойного короля Филиппа Грешника и матери – Берты Голландской, недоброжелатели и враги стали называть Толстым.

Сожженное донесение было из Англии, от одного из его тайных агентов, который под видом монаха-бенедиктинца находился подле Арнульфа, служившего начальником охраны Робера Куртгёза Нормандского – старшего брата короля Англии Генриха Боклерка, захватившего его в плен и держащего в замке Кардиффа в качестве своего почетного, но вечного пленника.

Сугерий задумался, анализируя донесение...

– К Арнульфу поступили на службу три сарацина из Испании... – тихо произнес он, барабаня пальцами по каменному подоконнику и любуясь раскинувшимся на ночным и спящим Парижем звездным небом, освещавшим его, дом, сад и

окрестности острова своим серебристым переливчатым светом. – Как я понял, они прибыли из Таррагона...

Аббат резко повернул голову, посмотрел на входную дверь и прислушался – ему показалось, что из-за нее слышался какой-то подозрительный шорох. Он на цыпочках подкрался к ней и, рывком распахнув, выглянул в темноту маленького коридора, отделявшего комнатку от другой части домика, в которой была его спальня и архив.

– Почудилось. – Он перекрестился, закрыл дверь, подошел к креслу, стоящему возле письменного стола, заваленного стопами пергаментов, каких-то бумаг, карт и документов, сел и стал машинально перебирать их, пытаясь рассортировать и придать всему этому безобразию хотя бы минимальные признаки порядка.

Поняв, что это бесполезное и пустое занятие, Сугерий в сердцах плюнул под стол и, откинувшись на спинку кресла, задумался, скрестив руки над головой.

– Выходит, что слова Гийома де Ипра, все-таки, не были пустым трепом и бахвальством... – промелькнуло в его голове. – Клятва, которую Филипп де Леви дал над телом умирающего графа Гийома Клитона, все-таки, была правдой... – он смежил глаза и, казалось, задремал, громко посапывая и замерев в такой неудобной позе, снова открыл глаза, расцепил руки и, взяв в руки перо, стал вертеть его пальцами – так он всегда делал, когда разгадывал какую-нибудь сложную задачу. – Три сарацина... – он скривился... – Нехристи.

От них можно всего ожидать, это – как пить дать. Тем более что у них там, на родине, понятие верности и чести, ох, как распространено...

Сугерий встал из-за стола и стал медленно расхаживать по комнате...

– Ох, Робер, Робер... – тихо произнес он снова вслух, спохватился, поправил сам себя, в сердцах топнул гонной и, снова плюнув себе под ноги, прибавил, – вернее сказать: Ох, Филипп, Филипп... какой же ты, право, честный, порядочный и... неугомонный, прости меня Господи.

Аббат снова подошел к столу, взял в руки маленький колокольчик (он им всегда пользовался если вдруг надо было необходимо срочно вызвать кого-либо из своих особо доверенных помощников, спавших чуть дальше по коридору от его комнаты), подошел к двери, распахнул ее и, немного высунувшись, пронзительно и часто зазвонил в него, поднимая людей, которые, скорее всего, уже видели десятый сон. Немудрено, ведь было уже глубоко за полночь.

Он подождал несколько секунд, после чего тихо произнес, адресуя свои слова рыцарю:

– Мессир Бертран, писца Пьера ко мне...

Караульный рыцарь, тихо посапывающий возле закрытых входных дверей в домик аббата, вскочил и, уронив спросонья что-то из своего вооружения (грохот и звон был такой, что, ей Богу, разбудил бы даже чертей а аду!!!), громким и хриплым голосом воина прокричал, будя кого-то из дежур-

ных помощников всесильного и всемогущего сановника королевства.

Сугерий улыбнулся – ему нравилось наблюдать за тем, как люди, сами того не понимая и еще толком не соображая после сна, машинально вскакивали, хватали письменные или иные необходимые принадлежности. В данном случае ему требовался писец и, по совместительству, первый помощник Пьер – малый весьма толковый, с гибким, шустрым и изворотливым умом.

Когда тот, с помятым и заспанным лицом, на котором уже светились жизнью и умом проснувшиеся и сообразительные глаза, вошел, аббат Сен-Дени уже сидел за столом в готовности к работе, откладывать которую было нельзя и опасно.

Пьер что-то пробормотал себе под нос, очевидно, это было обычное приветствие, поймал взгляд аббата, приказавшего ему присесть подле стола, быстро развернул рулон пергамента, поставил флакончик с тушью рядышком, вынул заточенные гусиные перья и весь превратился в слух, готовясь быстро фиксировать мысли и приказания своего господина.

– Значит так, Пьер... – начал тихо и неторопливо Сугерий. – Хорек все-таки полезет в курятник...

Пьер удивленно поднял глаза и вздрогнул, понимая, что его хозяин произнес слова весьма секретного и уже почти забытого варианта развития ситуации в соседней Англии.

Он был немногословен, поэтому лишь вопросительно посмотрел на аббата.

– Именно, мой друг... – грустно вздохнул тот, словно виновато пожав плечами. – Я и сам, признаться, уже почти подзабыл кодовое обозначение этой почти забытой и невероятной проблемы, кою нам в скором времени придется решать...

– Да уж... – Пьер почесал за ухом гусиным пером. – Не было напасти, а тут – на тебе!..

Сугерий стукнул своим костлявеньким кулачком по столу:

– Все, что мы так долго планировали, что вынашивали бережно, да так, как даже самая хилая дворянка не вынашивает своего долгожданного наследника, может развалиться в пух и прах...

– Это же анархия и хаос, монсеньор... – вставил Пьер, словно нарочно подливая масло в огонь душевного костра, разгоравшегося в сердце и голове его предводителя. – Его величество будем извещать?.. – Правда он тут же поправил сам себя, поняв и осознав, что сказал лишнего. – Простите, монсеньор, поспешил и сморозил глупость...

– Его величество мы просто добьем этим неприятным известием. Пускай уж лучше он пока живет в своем неведении и борется с болячками, кои и так его доканывают, храни Господь его душу и укрепляя силы...

Вот уже более пяти лет король страдал кровавыми поносами, которые временами утихали, но возобновлялись с новой силой, изматывая и лишая сил, сна и покоя Людовика Фран-

цузского. Дизентерия, которую он по глупости и неосторожности, наплевав на все предупреждения врачей, подхватил в болотах графств Оверни или Берри, испив грязной водицы из болотистого пруда во время одного из своих «нашумевших» походов против зарвавшихся и распоясавшихся феодалов, медленно, но неуклонно доканывала тело короля, лишая его сил и постепенно готовя к могиле.

Сугерий знал это из подробных и беспристрастных отчетов придворных медиков, коим он строжайше запретил выдавать кому-либо эти, без сомнения, весьма опасные для короны сведения.

Молодой принц Людовик, которого из-за его слабости тела, духа и почти полного отсутствия воли, словно в шутку, словно из жалости называли «Младшим», был скорее монахом, нежели воином и харизматическим предводителем королевства, рыцарства как-то слабовато выглядел в роли наследника престола, и, тут аббат морщился, словно от кишечных коликов, самовольного, самодурного и неуправляемого высшего дворянства Франции, почти присмирившего за годы уверенного, непоколебимого и железного правления его отца. Он не был готов, да и не будет никогда готовым к принятию тяжкого и ответственного бремени правления королевством.

После смерти принца Филиппа (вот уж был бы помощник и продолжатель дел своего родителя!), Людовик Воитель, скрепя сердце и повинувшись неписанным канонам вла-

сти, спешно отозвал из монастыря своего среднего сына Луи, воспитывавшегося там среди монастырской тишины и смирения. Он, понимая, что лучше бы для короны было короновать соправителем младшего своего сына графа Робера де Дрё, пусть вспыльчивого, увлекающегося, немного болтливового и излишне резкого на суждения юношу, чем безвольно и бесхребетного монаха-скопца, как уже стали прозывать его среднего сына слуги и челядь, был вынужден покориться воле провидения, открывшего путь к престолу для этого слабого создания.

Луи, сиднем и истуканом сидевший на заседаниях королевского Совета и Курии, лишь глупо хлопал своими длинными и белесыми ресницами, толком не вникая и не понимая всего того, о чем с пеной у рта обсуждали его отец и советники. Он лишь оживлялся в моменты церковных литургий, служб, даже порываясь проводить мессы, чем немало злил и огорчал своего отца-короля, который еще больше хмурился, грустнел и замыкался в себе, прекрасно отдавая отчет, в чьи руки достанется королевство, с таким трудом укрепленное и удерживаемое его властной и железной хваткой.

Да и королевством Францию пока было трудно назвать! Разве что формально, да и то с большой натяжкой. Большое «лоскутное одеяло», скроенное из практически независимых от короны графств, герцогств и сеньориальных владений, лишь формально считалось королевством. Королев-

ские владения – домен, включали в себя лишь небольшие по территории и компактно расположенные вокруг Парижа: Иль-де-Франс, Орлеаннэ, Гатинэ, Бурж, Дрё, частично Берри, французский Вексенн, часть графства Валуа, да узкую полосу земли возле Английского канала, где располагалось *шателенство* Монтрей-сюр-Мер. Даже Вермандуа и Бургундия, где правили боковые ветви дома Гуго Капета, лишь формально подчинялись власти короля, проводя зачастую независимую и вредную короне политику.

Фландрия, где после смерти графа Гильома Клитона правил железной и твердой рукой Тьерри де Эльзас, практически полностью потеряла верность интересам короны, все больше и больше сближаясь с Англией, ну и впутываясь в интриги и хаос Германских княжеств с их извечной анархией и наследственными войнами.

Анжу, Мэн и Турень, управляемые непоколебимой волей графа Годфруа Красивого из дома Плантажене, в настоящее время увлекшегося призрачным блеском короны герцогства Нормандии, ведь после женитьбы графа на Матильде, последней и законной дочери короля Генриха Английского, для анжуйца вполне вероятным можно было считать возможность заполучить это богатое и могущественное владение. Правда, тут Годфруа был реалистом, был крови и насилия никак не обойтись.

Про Юг можно было вообще забыть! Аквитания, Пуату и Тулуза давно жили «сами по себе», даже оммаж приносили

весьма формально и расплывчато...

– Итак, что будем делать, монсеньор? – Пьер вопросительно посмотрел на Сугерия. – Отправим «доброхота» к нашему «английскому леопарду»?

– Нет... – отрицательно покачал головой Сугерий. – Пусть идет, как идет. Коли судьбе угодно будет возвести на престол герцога Робера Куртгёза – знать нам нечего ей мешать и встревать туда...

– Но...

– Что «но»? – Аббат посмотрел на него. – Герцог, мол, стар? Плевать. Пусть немного поживет «всласть». Тем более что ему на нас не за что держать обиду. Мы ведь, как могли, поддерживали его сына Гильома! Даже корону Фландрии нацепили ему на голову... – Он смутился, отвел глаза и, словно нашкодивший школяр стал оправдываться. – Кто знал, что корона окажется такой тяжелой...

– А *Танибрэ*?.. – словно уколол его совесть Пьер.

– Здесь, не спорю, загвоздочка вышла... – покраснел Сугерий.

– Ничего себе, загвоздочка. Больше четверти века плена и тюрьмы...

– Так! Ты, что, решил сегодня стать «обличителем язв»?!

– Это, монсеньор, к слову... – ретировался Пьер.

– Я вот тебе язык-то, пожалуй, укорочу...

– Простите, умолкаю навеки. А что нам делать тогда с домом Блуа, которому мы уже посулили поддержку в *деле по-*

лучения короны Англии по праву крови?

– Еще чуток погодят... – отмахнулся, словно от назойливой мухи, Сугерий. – А уж коли герцогу Роберу еще разок свезет, и он обзаведется законным наследником... – аббат и сам сомневался в сказанном, но, подумав, решил не искушать Господа, ибо неисповедимы Его пути и неведомы Промыслы, ведь есть же у него, в конце концов, бастарды, значит, еще не погас огонь в чреслах...

Пьер усмехнулся своим щербатым ртом, в котором, несмотря на его молодые годы, уже не доставало доброй половины зубов, и с видимой серьезностью заметил:

– Господи, ну и плодовиты же эти *потомки Роллона*.

Сугерий вздохнул, погрузился и даже как-то осунулся внешне:

– И не говори, Пьер. Только нам показалось, что все в наших руках, и мы держим судьбу английского престола за хвост, так на тебе! Не тут-то было! Все, мать-заступница, опять с ног на голову встает... – он кашлянул и произнес. – Пиши указание нашим агентам: смотреть, слушать и не вступать...

Пьер обмакнул перо в тушь и проворно заскрипел им по пергаменту...

Кардифф. Англия. 14 июня 1133г.

Герцог проснулся рано. Он и раньше в молодости не слыл

лежебокой и, едва первые робкие солнечные лучи окрашивали восток в розоватые тона, был уже на ногах, что не раз спасало и выручало его. Так было и под Аскалоном, да и возле Антиохии несколькими годами раньше, когда именно его кипучая натура, не желавшая нежиться на мягких постелях, выручала его самого, да и всех его соратников. Ведь если командир уже готов к бою, то и армия его не подведет.

Но с годами его организм слабел, дряхлел и, положив руку на сердце, все чаще и чаще стал давать сбои. То сердце прихватит, то сбоку так защемит и кольнет, что аж в глазах темнеет, но герцог Робер лишь тихо скрипел зубами, улыбался и, как ни в чем небывало, продолжал совершать свои утренние прогулки с соблюдением обязательного гимнастического моциона, коему его приучил покойный отец Гильом Завоеватель, твердивший юному подростку: «Тело должно быть живым, крепким и задорным, тогда и смерть от тебя будет шарахаться, словно ты прокаженный для нее...».

Вот Робер и продолжал каждое утро десятилетиями закрепленное правило, привитое его отцом – он бегал, приседал, подтягивался и, как теперь говорят, качал мышцы брюшного пресса.

Рыцари, оруженосцы и прислуга Кардиффского замка поначалу смотрели на эти «сумасшествия» широко открытыми от удивления глазами, но затем, сами того не замечая, стали присоединяться к герцогу. Сначала, в виде веселой шутки или игры, мол, если старик так может, то мы-то чем хуже.

Затем, когда это вошло в привычку, для того чтобы их крепкий и здоровый вид радовал не только оружейников, коим теперь не приходилось переклепывать кольчуги, наращивая их брюхо, но и своих жен, любовниц и гулящих девок, живших неподалеку от замка.

Единственное, что тяготило все эти годы пленника – ощущение несвободы. Вроде бы он и не был узником в полном понимании этого слова: мог гулять, охотиться и даже выезжать за пределы замка, а не сидеть в закрытой тюремной камере, но именно эта половинчатость и была тем невыносимым бременем, что давило на плечи стареющего герцога и сжимало ледяными тисками его сердце. Он жил, словно птица в золотой клетке...

Жизнь быстро проносилась за стенами мрачного Кардиффского замка, долетая до него лишь разрозненными обрывками и отголосками, тревожившими и зачастую смущавшими ум Робера Куртгёза. Более десяти лет прошло с тех пор, как его брат король-узурпатор Генрих потерял единственного наследника и теперь, за неимением продолжения по мужской линии, находился в полном раздрае и смятении.

Монахи и гости, изредка навещавшиеся в гости к пленному герцогу, то вскользь, то словно нарочно, словно подливая масла в огонь, рассказывали ему обо всех сложностях наследования престола, будто бы герцог, который и сам превосходно разбирался в вопросах власти и генеалогии, не смог понять, что теперь, как ни крути, именно он является един-

ственным живым и реальным претендентом на отнятый у него престол.

Робер, вместе с тем, прекрасно понимал и то, что дни его, как бы он ни старался и ни пыжился, сочтены и не бесконечны, а единственного законного сына и наследника, Гильома Клитона, судьба, словно в насмешку над ним, отняла несколько лет назад.

Рассчитывать на то, что кого-нибудь из его многочисленных детей-бастардов признает Папа Римский и святая католическая церковь, не приходилось, ведь если его брат-король Генрих столкнулся с такой же неразрешимой проблемой, то ему не стоило и мечтать. Приходилось утешать себя химерами будущего и рассчитывать на свои силы, угасающие и слабеющие с каждым днем.

Как-то он, прогуливаясь по запущенному саду замка, вслух сам себе произнес:

– Женюсь и, коли Господу будет угодно, обзаведусь сыном...

Но события последних нескольких месяцев не на шутку встревожили, казалось бы, каменного и невозмутимого герцога Робера...

Началось все ясным весенним утром, когда сад замка, просыпаясь под первыми веселыми лучами солнца, наполнялся жизнью, ароматами цветения и пением птиц. Робер открыл глаза и попытался резко подняться с постели, но резкий толчок в голову на мгновения погрузил его мозг в чер-

ноту небытия. Он попытался закричать, но вместо крика из его рта вылетело едва слышное мычание...

– Господи, неужели всё?.. – пронеслось в его голове.

Он отдышался и попытался пошевелить руками и ногами – это удалось ему только на четверть: левая рука вместе с плечом отнялась и безвольной плетью повисла, а левая нога стала мелко трястись, словно в ознобе, не подчиняясь командам его организма, внезапно давшего сбой.

Около месяца, стоивших ему невероятных усилий и мытарств, он кое-как оживил левую руку, только пальцы все еще оставались непослушными и частенько подводили герцога, разжимаясь и немея в самый неподходящий момент, к примеру, за столом или на охоте, лишив возможности Робера стрелять из лука и, что самое обидное, заниматься гимнастикой. Нога, правда, почти полностью восстановилась в движениях, только слегка подволакивалась при быстрой ходьбе.

Более месяца он не подпускал к себе женщин, опасаясь в душе, что вместе с этим ударом он потерял остатки своей мужской силы. И вот, ближе к Троице, он все-таки набрался смелости и решился испытать себя, пригласив на ночь одну из вдов-дворянок, ее звали Эрменгарда, живших в доме коменданта замка и с которой он раньше имел амурные дела.

Тело герцога, словно старый и измученный бурями корабль, скрипя и сопротивляясь, все-таки успокоило его, хотя ему и показалось, что все прошло как нельзя хуже, чем

он рассчитывал, но результат, о котором ему спустя месяц с небольшим поведала дама Эрменгарда, удивил и успокоил его страхи – она была на сносях, а значит, он все еще сохранял шансы занять законного наследника...

Единственное, что порой сильно раздражало королевского брата и пленника – это нудный и дотошный (просто до невозможности!!!) комендант замка и по совместительству его главный надсмотрщик и тюремщик. Поганенький по натуре и низкородный англосакс Арнульф, к которому (тут герцога начинало просто трясти от злости и негодования) с удивительной привязанностью относился его младший брат-король Англии и с поразительным (выше всяких пределов) доверием великий коннетабль Англии месьеир Гуго де Биго – сын и наследник того самого предателя и интригана, *благодаря которому и началась эта династическая неразбериха вокруг престола его покойного отца.*

Словно в насмешку или для того, чтобы еще сильнее насолить и досадить герцогу Роберу, Арнульф с разрешения де Биго буквально с месяц назад нанял для усиления его охраны трех сарацин из Испании – нехристей, чей дикий и злобный вид в сочетании с тарабарским языком просто доканывали старика – участника и одного из главных героев Первого крестового похода. И теперь герою Дорилеи, Антиохии, Иерусалима и Аскалона, воину, привыкшему видеть их разве что убитыми или бегущими в ужасе и панике от его разящего меча, приходилось каждый день напрягаться и сдержи-

ваться, терпя на себе их злые, как ему казалось, и оценивающие взгляды.

Но верхом цинизма (тут с Робером Куртгёзом сделалось и в правду дурно) оказалось то, что прислал их, прости его грешника, Господи, какой-то нормандец, носящий с ним одно имя, правда, по фамилии Бюрдет. Этот прохиндей, по слухам и восторженным рассказам воинов и рыцарей-нормандцев, умудрился каким-то вопиющим и немислимым образом покорить целый город и земли вокруг него, образовал независимое графство и теперь (старик просто плевался от ярости) правил там, сохраняя равные права христиан-завоевателей и местных сарацин. Он даже мечети им позволил не только оставить, но и разрешил строить новые!

– Да, Арнульф, – произнес он как-то вечером, ужиная в присутствии своего тюремщика и коменданта. – Неисповедимы пути Господни. Еще лет двадцать-тридцать назад я бы ни за что в такое не поверил и готов был бы биться на смерть с любым, кто стал бы утверждать мне о том, что такое дикое и гнусное падение нравов случится с добрым христианином и рыцарем, позволившим и допустившим такую Гоморру!..

Арнульф едва заметно улыбнулся, но ничего не ответил на столь гневную тираду пленника.

Робер, тем временем, немного задумался, пытаясь найти в закромах и уголках своей памяти что-то важное, не дающее ему сна и покоя после их появления в замке Кардиффа.

Вдруг он внезапно хлопнул себя по лбу и, в миг, посерев

от расстройства, произнес:

– Да. Это просто кошмар, а я ведь в былые годы знал его родителя. Прекрасный и храбрый был рыцарь... – он отшвырнул тарелку с паштетом, взял в руку серебряный кубок и, практически не прикладывая видимых усилий, сжал его в кулаке, словно это было не серебро, а листок пергамента. Арнульф весьма удивился такой силе герцога, сохранившейся в его, казалось бы, старом и дряхлом теле. – Наверное, сейчас его отец, царствие ему небесное, краснеет от стыда, глядя на безобразия и непотребства своего родного сыночка с небес...

– Не судите, да не судимы будете, Ваше королевское высокочество. Всякое бывает под солнцем и всякое еще может приключиться... – как-то странно и загадочно произнес в ответ Арнульф. – Сегодня, глядишь, один человек враг, а вот как судьба завтра обернется?..

Он умолк также внезапно, как и проговорил эти непонятные герцогу слова, уставившись в свою тарелку.

За окном башни замка Кардиффа стремительно набегала ночь, нагло и требовательно вступая в свои законные права и пытаясь охладить своим телом нагретую за день землю, стены и башни...

ГЛАВА II.

Вечер и ночь в Таррагоне.

Таррагон. 18 июня 1133г.

Несмотря на кажущееся спокойствие, Робер нервничал. В его душе боролись два странных и взаимоисключающих чувства.

Первое – чувство долга, благородства и самопожертвования ради своего погибшего друга графа Гийома Клитона. Второе – чувство успокоения и некой душевной тишины, утвердившиеся в его сердце после захвата Таррагона, обретения семьи, наследника и тех небольших прелестей размеренной и спокойной мирной жизни, которые так милы, неприятельны, но, вместе с тем, так затягивают, что отказаться от них, пусть даже ради данного много лет слова, ох, как тяжело.

Сегодня, когда, в принципе, все уже было решено, а о переносе отъезда в Англию не могло быть и речи, Роберу Бюрдету стало казаться (и эти мысли тревожили его), что он уже никогда больше не увидит жену, своего маленького и веселого сынишку Гийома, названного им в честь своего погибшего во Фландрии товарища, стен и черепичных крыш Таррагона, ставших для него второй и весьма гостеприимной родиной.

Он сидел в комнате Малого Совета с, казалось, отсутствующим видом, будто бы не вникая в разговоры людей, специально созванных для окончательного решения вопроса с отбытием за море.

Внезапно Робер услышал неторопливую и тихую речь ста-

рого еврея Исаака, коему он уже окончательно доверил ведение всех финансовых и казенных дел графства...

– Нам с тобой, мой добрый Рамон, – тихо и размеренно, словно ученик бубнит зазубренный донельзя урок, произнес еврей, обращая свои слова к собеседнику, сидевшему напротив него и справа от графа, – так вот, нам с тобой, как я понял, предстоит не только сохранить земли и владения до возвращения хозяина, но и укрепить их, готовя молодого наследника к власти...

Рамон почесал левую бровь (он так частенько делал, когда видел перед собой трудную проблему, требующую вложения больших сил и напряжения), хмыкнул и ответил:

– Да, уж... задачка.

Граф улыбнулся и сказал:

– Слава Господу, друзья мои, что пока мы живем в относительно мире с нашими соседями... – он перевел взгляд на Исмаила-бен-Ранию и его сына Абдаллу, сидевших прямо напротив него. – Наши соседи-сарацины пока так сильно увлечены приграничными войнами с Арагоном и Кастилией что до нас им нет дела, не так ли?

– Истинно так, повелитель. Аллах милостиво хранит вас и ваших подданных под сенью своей доброты. – С учтивостью и обычной сарацинской витиеватостью ответил убеленный сединами воин. Мир и равные права, кои вы так мудро, да хранит Вас Аллах, разделили между нашими добрыми народами, нерушимыми стенами сплотил верных сынов Пророка

и почитателей Креста...

– Ах, Исмаил, – засмеялся в ответ Робер. – Твою певучую речь, да Господу бы в уши!

– И, для верности, в уши нашим беспокойным соседям... – буркнул Рамон, не умеющий так красочно и вычурно излагать свои мысли. – Неровен час, прости нас грешников, Господи, разразится жуткая война...

– И она близка... – вставил Исаак, владевший информацией от своих соплеменников, живших по обе стороны границы. – Активность короля Арагона, неутомимость и алчность кастильских воинов, в конце концов, заставят сарацин Испании выступить единым войском. А уж тогда нам всем беды не миновать...

– Честно излагаешь, неверный... – нахмурился и ответил ему Исмаил. – Но и мои единоверцы тоже не ангелы. Эти частые смены правителей, жадность и упадок веры могут привести к нам страшных гостей из Марокко – *черных фанатиков!*

– Дон Робер, нам-то, что делать тогда?... – Рамон немного растерялся и вопросительно посмотрел на графа.

– В стороне мы не имеем права стоять... – с сумрачным видом ответил ему Робер. – Только вот выдержит ли само графство такое испытание? Все-таки, как ни крути, а это жуткая религиозная война... – он посмотрел на Исмаила. – Как твои собратья отнесутся к идее воевать против единоверцев?

– Очень плохо отнесутся, повелитель... – честно ответил ему верный сарацин.

Гуннар, сидевший возле Исмаила, молчал и громко сопел – так он всегда делал, когда отягощал себя умственной деятельностью.

Робер посмотрел на него и спросил:

– Как наши наемники-христиане отнесутся к предстоящей войне? Надеюсь, смогут твои молодцы удержать их от всяких там бесчинств и прочих безобразий?..

– Будут как шелковые... – выдавил из себя швед.

Этих слов было достаточно, чтобы оценить всю громадную работу и напряжение, которые проделал его мозг, анализируя ситуацию и взвешивая все «за» и «против», прежде чем он ответил графу.

Граф хлопнул ладонью по столу и произнес голосом, не требующим никаких возражений:

– По сему, друзья мои, решаю так... – он окинул медленным взглядом собравшихся на Совет. – В случае предстоящей войны воинству графства поступить таким порядком: выступить под хоругвь короля Арагона с отрядом в триста сарацинских тяжеловооруженных всадников и двести рыцарей, не считая прислуги и обозов. В битву не вступать, но находиться возле хоругви и палаток короля, дабы... – он выдохнул и перекрестился, – в случае, коли Господу будет угодно послать поражение нашему сюзерену-королю Альфонсо, воинство графства смогло вывести его со всеми стараниями

из битвы и сохранить жизнь телу и чести короля. Для сего случая, – он последовательно перевел взгляд на Рамона, а потом на Исмаила, – повелеваю изготовить отдельный Ордонанс, который принародно огласить по всему графству и королевскому двору Арагона.

– А недомолвок, часом, не будет?.. – Рамон недоверчиво посмотрел на Робера.

– Недомолвки и обиды могут возникнуть только в том случае, если мы не изготовим такой Ордонанс. – Ответил ему граф. – Конечно, не скрою, что не все в королевстве будут рады такому повороту, но... – он посмотрел на Исаака и Исмаила, – формально мы соблюдаем все вассальные обязательства и будем в армии сюзерена, то есть не уклонимся... – он пожал плечами. – Надеюсь, что нас поймут правильно...

– Вы уж возвращайтесь поскорее... – с надеждой в голосе сказал Рамон.

– На все воля Господа... – ответил ему граф. Он посмотрел на товарищей и сказал. – В мое отсутствие власть я передаю двум регентам – дону Рамону, коего мы назначаем хранителем графства, и вам, мой благородный Исмаил. – Сарацин поднялся из-за стола и учтиво поклонился. – Вам же, мой верный Исмаил, я вверяю жизнь моего наследника и честь моей супруги, дабы воспитать моего сына в храбрости, вежливости и чести.

Старый воин едва не расплакался. Он подошел к графу и, упав перед ним на колени, прижался лбом к его руке.

– Клянусь именем Пророка и Священной книгой Корана, что не подведу и сохранию жизнь вашего сына, повелитель, соблюду честь и достоинство вашей дражайшей и возлюбленной супруги.

– Встань. Я всегда знал, что могу доверять тебе. – Робер поднял его с колен и поцеловал. Доверив сына и жену сарацину, он разом укрепил дух всего мусульманского населения графства и получил в свое распоряжение верных и преданных воинов, готовых теперь без промедления и раздумий отдать за него и его семью свои жизни. Армией будете командовать вы, Олаф, – скандинав встал и поклонился графу Роберу, – и ты, мой верный Исмаил. В городе и графстве останется дон Рамон... – испанец резко вскочил и поклонился ему, не проронив ни единого слова. Граф качнул головой в ответ на его поклон и продолжил. – Твоя задача проста и одновременно сложна: удержи графство в мире и границах. Лишнего нам пока, слава Богу, не надо, но и своего отдавать не позволяй.

Робер встал и жестом дал понять собеседникам, что больше не желает их задерживать. Когда же они стали покидать комнату, он остановил Исаака, приказав ему задержаться.

Еврей молча и вопросительно посмотрел на графа.

– Какие новости от твоих английских соплеменников?..

Исаак крикнул. Он уже имел исчерпывающие сведения и теперь был готов доложить их графу.

– Троица сарацин, как мы и планировали, уже закрепил

лась в замке Кардиффа. – Робер внимательно слушал его и не пытался перебить, зная, что Исаак скажет все, что нужно услышать и промолчит, о чем нет нужды говорить. – Англосакс, – он передернулся, так как в душе не любил двуличных и слабых волей людей, сильно сомневаясь в их надежности и верности, ведь если раз предал, то ничто не помешает ему и в другой раз предать, – принял их на службу и приставил, как мы задумали, к его высочеству герцогу Роберу, поручив отвечать за близкий круг охраны.

– Неплохо... – как-то грустно улыбнулся Робер.

– Я бы так не спешил говорить, ваша светлость, – вставил Исаак. – Одного придется изъять для наблюдения за самим англосаксом.

– Неужели сомневаешься? – с интересом во взгляде спросил его граф.

– Береженого, как у вас изволят говорить, Бог бережет... – Исаак потер своих морщинистые ладони. – От греха надо сохраниться...

– Тоже верно, мой верный друг... – похвалил его Робер.

Старик припал губами к его руке и едва сдерживался, чтобы не расплакаться. Граф поднял его на ноги и пристально посмотрел ему в глаза.

– Ты, я вижу, что-то расчувствовался?..

– Я просто благодарю Богу за то, что он послал мне Вас, мой добрый господин... – Исаак старческим и отеческим теплым взглядом посмотрел на Робера. – Меня всю жизнь

только и делали, что пинали и унижали, оскорбляли и обирали. А тут... – он не сдержался и разрыдался, спрятав лицо на мощной груди графа.

– Ступай и успокойся, мой добрый Исаак. – Робер погладил старика по седой голове. – Зайди к Исмаилу, – он посмотрел ему в глаза, – надеюсь, он не унижает и не оскорбляет тебя? – Исаак отрицательно покачал головой. – Так вот, зайди и скажи ему, что Абдалле пора в путь. Он знает, что дальше делать. Я отбуду вместе с ним и викингами завтра утром. Путь нам предстоит не близкий, да и не спокойный...

– Прислугу возьмете, хозяин?

Робер на минуту задумался и ответил:

– Двух человек: оруженосца и конюшего, остальными жизнями я не имею права рисковать. Я – не Господь Бог, чтобы даровать или забирать жизни. Со мной поедут только те... – он замолчал и прищурил глаза. Уголки глаз покрылись мелкой сетью морщинок, выдавая ту глубину переживаний, колоссального риска и ответственности, роившихся в его голове и не дававшие ему покоя, – кто верен мне и в ком я уверен.

Исаак со смирением в лице поклонился ему:

– Теперь, коли уже все вами предрешено, мессир Робер, – старик вдруг специально назвал его на франкский манер, – позвольте нам обсудить самую, пожалуй, главную проблему?

– Что такое? – Робер, отвлекшись на свои раздумья, снова оживился и прислушался к словам старика-еврея.

– Финансы, мессир граф...

– Да-да, об этом я, признаюсь, малость подзабыл! – Граф сел за стол и жестом руки приказал Исааку сесть рядом. – Надо как-то исхитриться и сделать... – он сделал паузу и вопросительно посмотрел на Исаака.

– Я все уже продумал... – Исаак положил свою руку на огромную и крепкую ладонь графа. – С собой вы возьмете только три тысячи золотом, причем, всю сумму только в *мараведи*...

– ? – Робер удивленно поднял вверх брови.

– Золото сарацин Испании весьма ценится по всем берегам *холодного моря*. С ним у вас и ваших спутников не возникнет ни единой проблемы, да и менялы везде его принимают, да еще и с превеликим удовольствием и по самому выгодному для вас курсу пересчета...

– Спорить с тобой не стану. Тебе, Исаак, виднее знать... – Робер не удержался и все-таки спросил его. – А почему все-таки в мараведи? Может лучше взять немного в серебре труасского веса? У нас, надеюсь, есть ливры?

– Есть, хозяин, только ими нам сподручнее рассчитывать здесь... – еврей улыбнулся. – Мы сильно выигрываем в курсе пересчета с купцами из королевства франков, да и германцы тоже охотно берут труасское серебро. Денье и ливры нам, вернее сказать, вашей супруге и наследнику тут нужнее будут.

– А не мало будет? Все-таки, три тысячи в золотых мара-

веди?.. – засомневался Робер, бросив косой взгляд на советника и казначея.

– Не извольте беспокоиться, хозяин, – тихонько засмеялся Исаак. – Мои соплеменники, что живут на земле короля Англии, прекрасно осведомлены о вашей платежеспособности, да и я уже подготовился. – Он проворно выудил из своего маленького кожаного мешочка, висевшего у него на шее, несколько маленьких рулонов пергамента и протянул их графу. – Здесь нечто, похожее на заемные письма...

– Надо же... – удивился граф, взял пергаменты и, для проверки, развернул один из них. Там на латыни было написано довольно сложный текст, смысл которого сводился к тому, что граф Таррагона или иной его верный человек, предъявив печать графа, может получить до десяти тысяч ливров серебром.

– Какой вы изволили посмотреть? – Еврей привстал и, заглянув в документ, произнес. – Это на десять тысяч ливров серебром. Остальные в серебряных марках и золоте. Каждый номиналом по три тысячи...

– Внушительная сумма... – быстро прикинув уме, произнес Робер.

– Сумма, достойная ее владельца, хозяин... – с улыбкой ответил Исаак. – Это всего лишь треть вашего годового дохода.

– Я настолько богат? – Граф и сам удивился услышанному. – Признаться, я и не думал, что настолько...

– Ваши земли плодородны, *мосты исправны*, торговые пути спокойны, а Таррагон становится весьма прибыльным для перевалки грузов и портовой торговли между сарацинами и христианами от франков и германцев, даже купцы из Арагона и Кастилии все чаще и чаще стали приезжать и торговать у нас, предпочитая покой и надежность ваших владений.

– Спасибо за приятные новости. Ступай... – Робер похлопал его по плечу. – Мне завтра уезжать за тридевять земель, а я еще к супруге так и не наведалься.

– Ох, простите, меня, глупого и бестактного старика... – Исаак встал, поклонился и вышел из комнаты, оставляя Робера наедине с самим собой и мыслями.

Таррагон. Вечер накануне отплытия.

– Это я, моя милая... – Робер вошел в спальню жены и закрыл за собой дверь. – Наш маленький Гильом еще не лег почивать?.. – Спросил он у нее.

Агнесса только что закончила укладывать свои пышные каштановые волосы в прическу для ночи – волосы были заплетены в две тугие косы, которые были закручены змейкой по бокам головы.

– Милый, я так соскучилась... – произнесла она, обнимая Робера за шею, на франкском языке, в котором вплетались, придавая ему милую нежность певучие испанские нотки. –

Господи, как же я соскучилась...

– Я был у тебя только вчера... – смутился Робер, целуя ее в теплые сочные пухлые губы, которые Агнесса призывно подставила для поцелуя.

– Когда любишь – тоскуешь сразу же после ухода любимого... – она игриво опустила глаза, прикрывая их своими длинными пушистыми ресницами. Вам – рыцарям, привыкшим только грубить, да мечом махать, всегда трудно понять нас, женщин...

Она взяла его за руку и провела к маленькой стрельчатой дверце, отделявшей их спальню от детской, приоткрыла ее и кивнула головой, предлагая мужу полюбоваться заснувшим в кроватке наследником. Трехгодовалый карапуз тихо посапывал, лежа на бочку и поджав щеку кулачком.

Робер тихонько подошел к кроватке, наклонился и нежно поцеловал его, выпрямился, погладил по головке – маленький Гийом зашевелился и что-то тихо пробормотал во сне. Робер перекрестил его, снова поцеловал и осторожно вышел из детской, закрывая за собой дверку.

– Я уезжаю завтра... – произнес он.

– Господи... – Агнесса всплеснула руками, прикрыла ими лицо и спрятала его на груди мужа. – Я боялась, я, словно чувствовала это...

– Так надо. Таков мой долг... – он смутился, растерялся и замялся, пытаясь успокоить жену. – Так требует моя честь...

– Господи, ты, Боже мой! – всплакнула она. – Ну, почему

так? Почему, когда, кажется, что все прекрасно и как нельзя лучше – всегда находится что-то или кто-то, из-за которого тебе надо спешить, уезжать куда-то, постоянно твердя мне о чести и долге? Нельзя, что ли, спокойно пожить и порадоваться в тишине и любви, отдавая каждый свой день любимому?..

– Так надо... – с трудом выдавил он из себя. – Таков мой крест...

– Умоляю тебя, заклинаю именем Гийома – нашего первенца и твоего наследника, останься... – понимая, что не сможет разубедить его, прошептала Агнесса.

– Ты прекрасно знаешь, милая, в честь кого назван наш первенец. – Робер стал целовать ее плачущие глаза. – Я дал слово спасти герцога Робера. Дал над телом друга...

– Хорошо... – обреченно ответила она, подошла к кровати, села на нее и стала расплетать свои косы... – Подари мне хотя бы эту ночь...

Он разделся и лег рядом. Агнесса прильнула к нему, ее губы – жаркие и зовущие прильнули к его устам и стали с жадностью целовать шею, плечи и грудь Робера. Он обнял ее, его руки стали скользить по волнующим изгибам ее тела, вздымающегося и подрагивающего от нежных прикосновений и ласк.

Губы графа скользили по ее щекам, наслаждались мягкой и упругой пухлостью ее губ, нежным и волнующим ароматом кожи шеи и плеч...

Два тела, изгибаясь и переплетаясь, начинали свой медленный танец любви. Все вокруг – убранство комнаты, горящие свечи и тихонько потрескивающие угли в камине вдруг растворилось и исчезло, оставляя только их одних...

Прохладный летний вечер, напоенный ароматами цветов, садов и свежестью моря, скромно умолк, словно боялся спугнуть их или отвлечь от наслаждения друг другом, казалось, что даже цикады, эти неутомимые и неумолкающие создания, разом сговорившись, вдруг перестали стрекотать, прислушиваясь к стонам двух людей, отдающихся удивительному и красивому чувству любви...

Эта ночь – прекрасная, грешная и, одновременно, такая тонкая, зыбкая и невесомая, превратилась для них в одно непрекращающееся мгновение, переполненное всей остротой и красочностью взаимности чувств. Бесконечность великолепия удаляла Робера и Агнессу от всех проблем и напастей окружавшего их мира. Души любящих, сливаясь и воспаряя в эфирах какого-то удивительного и невообразимого духовного пространства, зовущегося любовью, словно отделившись от их телесных оболочек, плавали в волнах накатывающихся на них наслаждений друг другом.

Утро наступало, отгоняя бархат ночи к далекому западу. Робер лежал на спине и боялся своим неловким или резким движением потревожить Агнессу, чья голова лежала у него на груди, прижавшись своим разгоряченным ласками телом к нему. Её густые волосы рассыпались по кровати и приятно

щекотали его кожу.

Граф полной грудью вдыхал упоительный запах ее волос, в котором смешивались запахи трав и цветов, он с грустью и, к своему несказанному удивлению, одновременным наслаждением перебирал в своей памяти практически каждый день их недолгой, но такой прекрасной семейной жизни, казавшейся ему теперь просто идиллией.

Робер невольно поймал себя на мысли, что улыбается, вспоминая, как перепуганная насмерть Агнесса жаром своего тела буквально вылечила его болезнь и простуду во время его авантюрного похода на Таррагон. Именно Агнесса и ее любовь разбудила в нем, казалось, уже отмершее и превратившееся в камень чувство любви, а она, в свою очередь, раскрыла перед ним все многообразие и прелесть окружающего их бытия.

Рождение Гийома – его первенца, наследника и, прежде всего, такого долгожданного и такого неожиданного, вместе с этим, настолько преобразила графа. Разом, как-то удивительно и непостижимо для его сознания, мир изменился.

Робер вспоминал первое купание Гийома: маленькое розовое тельце новорожденного впервые в своей жизни познавало тепло, но не материнского тела, а чего-то иного. Он снова улыбнулся, живо представив себе, как тот робко, словно чуткий лист под едва уловимыми дуновениями ветерка, касался пальчиками теплой воды.

Родитель вспоминал первые, неуверенные и робкие шаги

мальчика, его первую деревянную лошадку, старательно и с любовью вырезанную для него Рамоном, его первое, пусть и игрушечное, оружие, изготовленное для Гийома старым и верным Исмаилом, которого, как ни ворчал для виду на малыша его отец-граф, продолжал упорно называть «дедулей», даже не представляя себе, что где-то далеко на севере живет его настоящий дед, который...

– Господи, прости меня, грешника... – тихо прошептал вслух Робер. – Отец, прости и ты меня, ради Христа...

Агнесса пошевелилась во сне и что-то тихо прошептала. Он с нежностью погладил жену по волосам и едва коснулся ее волос губами, стараясь поцеловать и, вместе с тем, не разбудить ее.

Время неумолимо ускользало, открывая перед ними пропасть, зовущуюся разлукой...

– Как там отец? Жив ли он, здоровы ли братья? – промелькнуло у него в голове. – Эх, заехать бы на часок... – Он сознавал, что это губительно для него и опасно для всей семьи. Ведь если король Людовик узнает о том, что он жив и не похоронен под Бургосом, то уж наверняка вспомнит ему ту вольность в обращении с принцессой Констанс, возьмет, да и сурово накажет его и его братьев. Что же тогда говорить о его врагах в Англии, коим будет особенно приятно получить фору и приготовить изощренную ловушку для Робера и его людей. А ими, их здоровьем и, прежде всего, жизнями он рисковать не станет.

Он отогнал от себя эту дерзкую идею и сосредоточился на предстоящей поездке. Сам того не замечая, Робер как-то незаметно для себя заснул лишь под самое утро...

ГЛАВА III.

Разговор с Исмаилом.

Таррагон. 19 июня 1133г.

Пользуясь крупницами оставшегося у него свободного времени, Робер прогуливался со своей сынишкой в персиковом саду внутреннего дворца, располагавшегося в цитадели Таррагона.

Малыш Гийом о чем-то весело и без умолка щебетал, не переставая засыпать отца множеством вопросов, на которые тот едва успевал отвечать. Граф ловил себя на мысли, что, возможно, ему больше и не придется снова увидеть своего любимого сына и наследника.

– Э-эх, – промолвил он, поглаживая сына по густой кудрявой головке. – Сколько же тебе еще придется узнать...

– Батюшка, – затараторил Гийом, – а почему ты такой грустный?..

Робер улыбнулся, вздохнул и ответил:

– Мальчик мой, – он снова сделал паузу – комок подступил к горлу, вдохнул полные легкие воздуха, изобразил на своем погрустневшем лице теплую и ласковую улыбку.

ку, – жизнь сложна. Она такая трудная и сложная, что тебе придется многому научиться. Научиться править, научиться управлять гневом и ценить понятие чести, верности и преданности... – он снова замолчал, посмотрел на небо. – И, самое главное, тебе придётся научиться слушать окружающих, впитывая только самое главное и отсеивая пустышки...

– Больно сложно вы сказали, папенька... – Гийом потер свой носик.

В это время граф увидел, как из-за поворота аллеи сада к нему вышел Исмаил-бен-Рания, который выжидающе остановился на почтительном расстоянии и дождался окончания беседы графа со своим сыном.

– А вот и мой добрый Исмаил! – Робер помахал ему рукой, приглашая подойти к нему. – С сегодняшнего дня, мой сын, этот человек станет твоим наставником и воспитателем.

– Дедушка Исмаил! Дедушка Исмаил! – Гийом резво побежал к старому воину навстречу и с разбега повис у того на руках. Старый мусульманин бережно поднял мальчика на своих крепких руках, осторожно опустил на землю и низко поклонился графу.

– Повелитель, твой верный слуга пришел поговорить с тобой.

– Не надо сегодня кланяться, Исмаил. – Робер заставил его выпрямиться. – Тебе, как наставнику и учителю моего наследника, нет нужды отбивать земные поклоны...

Исмаил провел рукой по своей седеющей бороде, снова

поклонился и ответил:

– Это поистине высокая честь для меня, моего рода и всех моих единоверцев. – Он пристально посмотрел на графа.

Робер понял, что тот пришел не за тем, чтобы произнести реверансы. Он отправил Гийома к нянькам и приказал спешить к матери, оставшейся во дворце.

– Ты что-то тяготит, мой верный друг?..

Исмаил тяжело вздохнул и ответил:

– Хозяин, я сильно беспокоюсь о вашем заморском походе...

– Если хочешь, Исмаил, я оставлю твоего сына Абдаллу дома. – Ответил ему граф, не понимая слов мусульманина. Ему показалось, что тот просто из опасений за жизнь своего сына решил поговорить с ним.

– Такого позора я и мой род еще не заслужили... – вспыхнул тот. – Исмаил-бен-Рания никогда не позволит кому-либо сказать, даже подумать о том, что, мол, он или его сын Абдалла испугались и вмиг превратились в женщин!

– Нет-нет. – Успокоил его Робер. Он положил руку на плечо воина. – Я и помыслить об этом не могу. Просто ты должен понять меня, что я очень беспокоюсь за твоего сына, ведь путь нам предстоит неблизкий и, как ты сам догадываешься, небезопасный. Я не уверен в успехе своего рискованного предприятия, да и всерьез полагаю, что мне, если не всем, – он перекрестился, – не приведет Господь, может так случиться, что не придется возвратиться домой живыми и невреди-

МЫМИ...

– Именно поэтому, мой граф, я пришел к вам сейчас. – Исмаил коснулся рукой своего сердца. – От своего имени и от имени своего сына и наследника Абдаллы я заявляю тебе, граф Таррагона Робер, что мой сын не подведет тебя и не опозорит мои седины, равно как и память наших предков! Можешь смело располагать его жизнью.

– Спасибо тебе, Исмаил. – Робер крепко обнял воина. – Иного, признаться, я и не ожидал от тебя услышать. Теперь я спокоен за своего мальчика...

– Не извольте беспокоиться, мессир Робер, – на франкский лад ответил ему Исмаил. – Гийом вырастет прекрасным воином и мудрым правителем, клянусь именем Пророка и священной книгой...

– Благодарю... – ответил ему Робер. – Нам надо торопиться с отъездом, но для начала, пригласи ко мне всех муфтиев и ваших священников. Я обязан вручить моему сыну знак власти над Таррагоном...

Исмаил со всем почтением поклонился графу и ответил:
– Это весьма мудрый поступок, хозяин. Вручив реликвии своему сыну, вы разом успокоите всех моих единоверцев. Город и земли будут спокойно ждать вашего возвращения или... – он посерел лицом, желваки прошлись по скулам. – Или момента воцарения вашего наследника.

Исмаил с трудом сдерживался от эмоций. Немудрено, ведь вместе с графом на это опасное предприятие уезжал и

его родной старший сын Абдалла – его наследник и гордость рода. Но воин, верный присяге, чести и долгу, стойко держал этот очередной удар судьбы.

Робер потрепал его по плечу, повернулся и пошел по направлению к большой соборной мечети, стоявшей в нижнем городе. Граф задержался на некоторое время в цитадели, дожидаясь возвращения слуг, которым он поручил принести графские регалии. Их вынесли в роскошном ларце, богато украшенном эмалью, золотой чеканкой и красивым полумесяцем на крышке. По дороге к нему присоединился Рамон, а Исмаил, каким-то немыслимым для ума способом уже успевший оповестить всех муфтиев, уже поджидал их прибытие, стоя в парадном одеянии на ступенях огромной мечети.

Долгая и витиеватая процедура передачи графских регалий и мусульманского символа власти над Таррагоном заканчивалась. Робер с улыбкой наблюдал за своим сыном Гийомом, которого, ради этого торжественного случая, придворные разодели в тяжелые парадные одежды. Он диву давался, насколько сдержанным и выносливым оказался его маленький четырехлетний сын, стойко вынесший столь утомительную и долгую церемонию, за время которой он ни разу не проронил ни единого слова, лишь сопел и испуганно хмурил брови, иногда посматривая на своего отца, словно ища поддержки. Граф исподтишка подмигивал ему, стараясь, насколько мог себе позволить, приободрить своего наследника...

Слуги протянули графу ларец с регалиями, Робер взял его в руки и на мгновение замер. Пальцы его касались прохладной поверхности ларца, он чувствовал каждый выступ чеканки подушечками своих пальцев.

– Примите сей ларец и хранящиеся в нем регалии, подтверждающие право наследственного владения землями Таррагона, дабы сохранить его в чистоте и порядке... – Робер замялся. Он знал текст этой торжественной фразы наизусть, но сейчас почему-то ему с огромным трудом давались эти важные для него и его наследника слова. Словно комок подступил к горлу и мешал говорить, – и порядке, пока наш сын и законный наследник Гийом не вступит в свои законные права согласно положенного возраста для правителя...

Малыш Гийом неуклюже опустился на колени. Робер протянул муфтиям ларец, выслушал ответные напыщенные и витиеватые фразы, коротко кивнул. Главный муфтий вместе епископом раскрыли ларец и, осторожно вынув оттуда регалии, со всей торжественностью возложили их на хрупкие плечи мальчика.

Робер, развернувшись, вышел из соборной мечети и пошел обратно в цитадель. Он был рассеян и, проходя среди толпы горожан и подданных, как-то невпопад отвечал на их приветствия.

Мысли Робера были уже далеко... за морем.

Граф поднялся в цитадель, прошел мимо мусульманской

стражи во дворец и, быстро поднявшись по широкой парадной лестнице, оказался в покоях своей любимой жены.

– Агнесс, милая моя... – широко распахнув низенькую стрельчатую дверь, воскликнул он, – если бы ты только знала, как мне!..

– Ничего не говори, родной... – она прильнула к его могучей груди, ее волосы нежно щекотали его шею и подбородок, – итак все ясно...

– Но...

Она приложила палец к его губам, приказывая прекратить ненужный разговор.

– Все понятно... – слезинка едва заметно блеснула на ее глазах и скатилась по щеке. Агнесс порывисто повернула голову в сторону от лица мужа и тихо прибавила. – Надо, значит, надо. Дай Бог, чтобы и наш малыш вырос таким же благородным и верным слову рыцарем, как и ты...

Она взяла его за руку и повела к постели.

– Завтра?.. – ее огромные красивые и бездонные глаза были полны слез, готовых брызнуть и скатиться по белизне лица. Робер молча кивнул головой и нежно стал целовать жену в глаза. Солоноватость слез, ее прерывистое дыхание кружили ему голову. Агнесса нежно обвила руками его плечи и тихо прошептала. – Не целуй меня в глаза. Это к расставанию. – Ее пальчики нежно развязывали кожаную шнуровку его парадного гамбезона. – Просто подари мне этот вечер и эту ночь, милый. Просто подари...

Робер повернул голову и с тоской посмотрел в окно, за которым открывался вид на город и порт Таррагона.

– Но, мне еще надо дать кое-какие распоряжения... – вздохнул он.

– Я уже обо всем позаботилась, дорогой. – Агнесс рывком распахнула гамбезон на его груди. – Рамон погрузит все, что тебе может понадобиться в пути и на чужбине...

Они повалились на мягкую перину кровати. Робер медленно стал целовать ее шею, едва прикасаясь губами к нежной, словно бархатистой, коже. Агнесс едва заметно подрагивала, отзываясь на каждую ласку...

– Подари мне хотя бы... себя... – томно произнесла она, уносясь сознанием в причудливые краски наслаждения...

ГЛАВА IV.

Его величество король Англии Генрих Боклерк.

Лондон. 22 июля 1133г.

Почти месяц заняло морское путешествие небольшого отряда Робера Бюрдета. Последовав разумному совету Исмаила, граф и его команда выбрали для путешествия добротный и большой генуэзский неф, имевший высокие борта, носовые и кормовые башни-надстройки и, что самое главное, сорок арбалетчиков охранения. Итальянские морские перевозчики, давно уже не искавшие милостей у природы и Госпо-

да Бога, сами заботились о собственной безопасно и сохранности своих товаров. Эта разумная предусмотрительность несколько раз выручила их и спасла от нападений мусульманских пиратов, стаями рыскавших в районе *Геркулесовых столбов*. Единственным местом, где высокие борта нефа за просто могли стать их общей могилой, был вечно штормовой и продуваемый северными ветрами Бискайский залив. Но и тут, слава Господу, Деве Марии и крепкой руке штурмана, корабль остался на высоте, довезя своих порядком измученных морской болезнью пассажиров к берегам Англии.

Высадившись в устье Темзы, Робер и его спутники, после обязательного карантина и визита к коменданту порта, пересели на речные ладьи и быстро добрались до Лондона.

Город, основанные еще римлянами, укрепившими старенькую деревушке рвами и стенами, разросся вширь и длину, расположившись вдоль течения Темзы.

Серая квадратная громадина донжона Тауэра, построенная самим Гийомом Завоевателем, возвышалась над приземистыми домами горожан. Башни и куртины, окружившие донжон, были выложены из такого же, как и главная башня, серого камня, и были построены сыновьями великого авантюриста. Высокие шпили соборов и церквей, словно копья, взметнулись к небу, но выглядели как-то по-сиротски на фоне грозной крепости английских королей нормандской династии.

Даже дома знатных сеньоров, хотя и выделялись высотой,

башенками и солидной добротностью, меркли на фоне символа королевской власти.

– М-да... – криво усмехнулся Робер. Он стоял на носу ладьи и, скрестив руки на груди, внимательно рассматривал вид открывающейся столицы. – Это не Париж... Даже не Руан и не Шартр...

– О чем вы, мессир? – Гуннар встал за его спиной и с нескрываемым интересом уставился на виды Лондона.

– Так, не о чем... – Робер улыбнулся. – Лондон был, есть и останется лишь жалкой потугой в сравнении с Парижем...

– Это верно, мессир... – засмеялся скандинав. – Пойду, посмотрю как там наша поклажа.

Ладья мягко уткнулась в мешки с песком, коими был обложен причал. С берега быстро бросили мостки, команда стала переносить на берег поклажу пассажиров и грузы торговцев.

Робер сбегал по шатающемуся мостку, дождался, пока вся его группа сойдет на берег.

– Господа, я направляюсь в Тауэр. Коней и поклажу отвезите в самую северную гостиницу города, там же и разместитесь. – Он посмотрел на оруженосца. – Приготовь мне быстро парадный гамбезон, графскую корону почисть и... – Робер на мгновение задумался. – С амуницией сам разберешься...

Абдалла, тем временем, уже распаковал красивый резной ларец, богато украшенный золотом.

– Хозяин, мы это возьмем?.. – он посмотрел на графа.

– Именно, мой верный Абдалла. – Улыбнулся в ответ Робер.

Он старался не показывать вида товарищам, что сильно волнуется, ведь цель их визита в Лондон была очень и очень рискованной, можно сказать – верх риска и наглости!

– Надо ослепить глаза королю, да и позолотить ручки его сановникам...

– Гуннар, Олаф, вы идете со мной. Свен пусть едет в гостиницу, где будет разбит временный лагерь отряда...

Высокий и широкоплечий швед молча кивнул графу...

Тауэр. Тронный зал донжона. Полдень 22 июля 1133г.

Весть о том, что из далекой, загадочной и жаркой Испании прибыл какой-то знатный и, по слухам, весьма важный сеньор, быстро разнеслась по городу, долетела до крепости и взбудоражила дворец.

Не прошло и нескольких часов с момента прибытия графа Бурдета и его свиты в столицу, а о нем уже всюду перешептывались, наслаивая одну небылицу на другую. То ли он был незаконнорожденным сыном арагонского короля, то ли еще кого поважнее, а может, тут все крестились и закатывали глаза к небу, принявшим христианскую веру сарацином, которого во сне посетила сама святая Мария и наставила на путь истинный!..

В прочем, хватит сплетен и слухов...

– Ваше величество! Сир! – придворный камергер низко клонил свою лысеющую голову перед королем. – К Вам с визитом какой-то знатный сеньор из Испании!

Генрих отложил игру и поставил на шахматную доску резного черного коня, которым собирался сделать ход, тяжело вздохнул и, переведя взгляд на камергера, произнес, адресуя свои слова партнеру по партии:

– Ни минуты покоя, ты только погляди, Гуго!..

Гуго де Биго, а именно он был сегодня партнером по шахматной баталии, почесал затылок, невесело (подыгрывая Генриху!) ответил:

– Истину глаголете, сир... – тут он заулыбался, хлопнул себя по колену. – Господи! Так это же граф Таррагона! Мне третьего дня докладывал о его прибытии комендант Пяти портов...

Генрих теперь уже с нескрываемым интересом посмотрел на великого коннетабля Англии и графа Норфолка.

– И, что же ты, разбойник, мне до сих пор не доложил?..

– Сир... – замаялся Гуго, – малость запоматывал...

– Тарра?.. – запнулся король. – Как там его название?!..

– Таррагон, сир. – Поправил Гуго. – Город и графство в Испании, в аккурат на границе между Арагоном, Барселоной и сарацинскими землями...

– А не опасно ему, часом, там живется?.. – удивился еще

больше король. – Это же между двух огней...

– Между трех огней, сир... – снова поправил его де Биго.

– Тоже мне умник нашелся. – Генрих изобразил суровость на своем лице. – Именно между двух, а не между трех!

– Но...

– Баран! Между сарацинами и верными католиками! Вот, что мы имели в виду...

– Гуго побледнел и смиренно опустил голову:

– Простите меня, неразумного вассала...

– Мы желаем дать аудиенцию столь интересному гостю. –

Генрих резко поднялся и тут же схватился за поясицу, охнул, по его лицу прошла резкая судорога боли. – Господи! Опять прострел!..

Гуго проворно поддержал его под руку. Король кивком головы поблагодарил его. Они направились в комнату для переодеваний, куда уже засеменил камергер, отдавая на ходу приказания слугам для приготовления малого парадного одеяния монарха...

Париж. Остров Сите. Дом Сугерия. Приблизительно около полудня этого же дня.

Высокий и широкоплечий рыцарь с усталым и забрызганным грязью лицом неловко переминался с ноги на ногу, изредка бросая косые взгляды на всесильного аббата Сен-Дени. Кольчуга тяжело давила на уставшие после долгой скачки плечи, спина ломилась, да и глаза периодически застилал ту-

ман, ведь ему пришлось проскакать без передышки от самого Монтрейль-сюр-Мер, позволяя себе лишь короткие привалы во время смены лошадей.

Сугерий словно позабыл о его присутствии, настолько поглотила его доставленная секретная депеша, написанная мелким кодом на небольшом куске пергамента.

Он вскинул голову, зачем-то посмотрел в полуоткрытое окно, перевел взгляд на рыцаря, нахмурил седеющие брови и коротко обронил:

– Вы свободны, мессир Жан. Сутки на сон и отдых... – рыцарь звонко цокнул шпорами, развернулся и уже направился к двери, когда аббат добавил. – Прошу еще немного задержаться. – Он подошел к столу, раскрыл один из его ящичков, вынул небольшой туго набитый кошелек, приблизился к рыцарю и, взвесив его содержимое в своей маленькой руке, протянул его со словами благодарности. – Его величество признателен Вам за службу и... – он замялся, – желает вознаградить за труды и усердие...

Глаза рыцаря блеснули холодным блеском, едва заметная улыбка тронула уголки его рта.

– Долг вассала служить сюзерену, монсеньор аббат... – хриплым от усталости голосом ответил Жан, принял кошелек, снов поклонился и вышел из комнаты.

Сугерий, казалось, только и дожидался его ухода, тут же подбежал к камину и, бросив в его пылающий зев пергамент, заморожено уставился на язычки пламени.

– Началось... – тихо прошептал он одними губами. – Эх, Филипп, Филипп... помогай тебе Бог.

Тауэр. Тронный зал донжона. Спустя час. 22 июля 1133г.

– Ваша светлость граф Робер Бюрдет Таррагонский?.. – рыцарь дворцовой стражи учтиво поклонился перед Робером. – Его величество король Англии и герцог Нормандии Генрих изволит принять Вас сию минуту.

– Это большая честь. – С таким же учтивым поклоном ответил ему граф.

Рыцарь медленно развернулся и, звякнув вооружением, пошел впереди графа, направляясь к закрытым дверям тронного зала.

Он со всей торжественностью раскрыл их перед графом, который почти сразу же столкнулся нос к носу с камергером.

– Бог мой! Ваша светлость! Для меня огромная честь встретить столь славного рыцаря и борца с сарацинами!.. – он буквально растекся в слащавой улыбке, от вида которой у Робера заняло сердце.

Он лишь хмуро посмотрел на него и коротко кивнул. Камергер не обиделся, ведь ему кивнул властитель практически независимого графства, исхитрившийся мечом, удачей или просто диким везением укрепиться на троне огромного владения.

Камергер величаво развернулся, вышел на середину тронной залы, трижды ударил своим золоченым посохом по каменным плитам пола и громко произнес:

– Его высочество граф Таррагона Робер Бюрдет!..

Робер вышел из-за его спины, приблизился к трону, на котором сидел Генрих, учтиво поклонился и гордо выпрямился и посмотрел на короля Англии.

Генрих выглядел больным, издерганным, усталое лицо с большими отеками под глазами выдавало в нем наличие серьезной болезни, практически лишившей Генриха сна и отдыха. Да и окружающая его действительность не шибко радовала короля. Он, лишенный всех законных наследников, доживал в видимой тишине последние годы, если не месяцы. Знать упорно не желала признавать права наследия за его единственной дочерью Матильдой, бездетной вдовой покойного германского императора, а теперь женой молодого анжуйского графа Годфруа. Нормандские бароны и рыцари даже помыслить не могли о том, чтобы позволить утвердить на троне Нормандии и Англии их природного врага – анжуйца! Даже видимость присяги, принесенной ими перед королем в верности его дочери, не успокаивала Генриха. Теперь он уже практически полностью превратился в безвольного наблюдателя этого хаотического процесса будущего междуцарствия, скатившись на бесполезные заигрывания то со своими знатными вассалами, то с анжуйцами, то графами де Блуа, имевшими, по мнению его подданных, наибольшие законные пра-

ва на престол его отца, великого и ужасного герцога Гильома Завоевателя...

Теперь же он, ходячая развалина и практически человек без будущего, создавал лишь видимость, восседая на троне своего родителя и зная, что его детям уже никогда не продолжить династию.

– Мы несказанно рады видеть столь славного сеньора! Королевство всегда открыто для наших уважаемых гостей!..

Робер опустил голову и незаметно побледнел. Он увидел краем глаза Гуго де Биго, стоявшего чуть поодаль от короля и буквально сверлившего его взглядом. Ошибки быть не могло! Это именно его герб красовался на шелковом сюркоте. Червлёный крест на золотом поле...

Генрих нарушил этикет и встал с трона, этим жестом он хотел показать своё особое расположение к гостю.

– Мы знаем о том, что Ваши корни, граф, происходят из Нормандии... – медленно произнес король, ведь именно в этот момент его снова ударил прострел в поясницу. Он едва заметно пошатнулся, но Робер успел сделать шаг ему навстречу и учтиво подставил свою руку, согнутую в локте. – Благодарю вас, граф, за учтивость...

Король жестом приказал рыцарям стражи оставаться на своих местах, мило улыбнулся Роберу, посмотрел на придворных и тихо произнес:

– Не желаете ли партию в шахматы? Эта новомодная игра всецело поглотила нас...

Робер склонил голову и ответил:

– Это огромная честь для меня, ваше королевское величество. Я и мои потомки будут гордиться этим фактом монаршей милости...

– А вы, я смотрю, помимо рыцарской отваги, удачи и везения, еще и отменный царедворец! – лицо Генриха расплылось в широкой и искренней улыбке. – Тогда, – он поискал глазами Гуго де Биго, кивнул ему головой в сторону маленькой дверцы, повернулся к Роберу, – прошу вас, граф, составить нам компанию. Сюда. Мы просим вас сопроводить нас...

Гуго открыл дверцу, в которую сначала вошел король, затем Робер, а после них великий коннетабль Англии, который тут же крепко запер за собой вход в комнату отдыха, оставив всех придворных в полном недоумении и откровенной растерянности.

Король настолько открыто продемонстрировал своё расположение к неизвестному гостю и, заодно, такое явное пренебрежение ими, его верными вассалами, что некоторые из них тут же стали громко перешептываться, выражая своё возмущение и негодование.

Только один из собравшихся в тронном зале молчал. Это был молодой, высокий и красивый рыцарь со светлыми вьющимися до плеч волосами. Он был бледен и словно окаменел, как будто увидел что-то запредельное, потустороннее или давно забытое...

Это был мессир Гийом де Ипр...

«Нет. Этого не может быть... – пронеслось в его голове. – Мне сказали, что Филипп мертв! Убит подло в Испании и там же похоронен!..»

Гийом отсутствующим взглядом посмотрел по сторонам, сознание медленно возвращалось к нему, стали слышаться возмущенные перешептывания придворных, но он прислушивался лишь к словам двух графов де Блуа: Тибо и Стефана...

– Однако, наш дядя стал просто невыносим... – донеслись до него слова старшего из рода Блуа, графа Тибо.

– Хам он, одно слово... – выдавил из себя пунцовый от нахлынувших на него эмоций Стефан. – Уж кого, а нас он, хотя бы по праву крови, мог пригласить с собой...

– Не говори так, братец... – Тибо прикоснулся к его плечу рукой. – Неровен час, еще кто услышит и донесет...

Стефан громко и возмущенно засопел и стал озираться по сторонам...

«Слава Богу, – решил Гийом де Ипр, – кажется, пронесло. Или, все-таки, мне почудилось?..»

ГЛАВА V.

**Его величество король Англии Генрих Боклерк.
(Продолжение)**

– Прошу садиться... – король сел в мягкое и удобное крес-

ло и жестом пригласил Робера. – Полагаю, что так нам проще общаться...

– Благодарю вас, ваше величество. – Граф сел напротив короля и оказался на стороне черных фигур, выстроенных двумя рядами на мраморной доске напротив белых фигур Генриха.

– Мы всегда делаем первыми ход... – король слегка поиграл бровями, наслаждаясь невозможностью его гостя опровергнуть его пожелание. – Благо, как нам кажется, вам уже привычно играть на стороне «черных»...

Робер широко улыбнулся. Он понял тонкий намек Генриха.

– Да, сир, мне сподручнее играть за них...

– Ну, и, слава Богу... – ответил король и сделал первый шаг королевской пешкой...

Где-то к двадцатому ходу белых доска немного расчистилась, фигуры разбились на две неравные группы: белые вроде бы теснили короля черных, прикрытого мощными шахматными фигурами графа, которые под прикрытием трех пешек буквально третировали позицию Генриха...

– Милейший граф Робер, – Генрих решил отложить или вовсе прекратить партию. – Нам кажется, что ситуация для вашего короля не совсем удачная...

– Не спорю, сир, – улыбнулся граф, – только, увы, я не

ваш вассал и не намереваюсь безропотно подчиниться...

Генрих широко и искренне заулыбался. Ему импонировала непринужденность гостя.

– С вами приятно иметь дело, граф. – Отпустил он комплимент в адрес Робера. – Вы открыты и честны. Это увы редкость сейчас.

– А мне, ваше величество, особенно приятно слышать это из уст сына самого Гийома Завоевателя... – ответил граф.

– Благодарю... – уже более сухо ответил король.

Робер понял, что сказал не совсем удачный комплимент, но король вдруг резко переключился с витиеватости на более деловую тему:

– Насколько меня поставили в известность, граф, – он жестом предложил гостю налить вина по кубкам. – Так вот, насколько нам известно, вы родом из нашего герцогства?..

– Да, ваше величество... – учтиво склонил голову Робер, опустил глаза и, стараясь скрыть ложь, произнес. – Мои предки высадились вместе с благословенным Роллоном...

– И вы сегодня утверждали нам, что не являетесь нашим вассалом? – король недоуменно и наигранно поднял вверх брови.

– Именно, сир... – ответил ему Робер. Он посмотрел на де Биго, сидевшего подле них. – Мой отдаленный кузен, надеюсь, сможет подтвердить вам это...

Генрих вытер рукавом капли вина, оставшиеся на его седеющих усах, перевел взгляд на Гуго и спросил:

– Так он, выходит, еще и твой родич?! Ну, право!.. – он развел руками.

– Сир, – Гуго бросил резкий взгляд на Робера, ему с самого начала казалось, что он видел этого человека и он ему знаком. Только вот где и как? Или он смутно напоминал ему кого-то. Кого он уже подзабыл, но чей образ так глубоко засел в его подсознании и ассоциировался с постоянной опасностью. – Истинно так. Его светлость граф Робер Бюрдет приходится мне отдаленным родичем по материнской линии. Его предок поиздержался во время крестового похода вашего брата Робера...

Генрих стрельнул в его сторону взглядом.

– Так, стало быть, вы, граф, покинули отчий дом и отплыли искать счастья в землях сарацин? Неужели нет желания снова повидать родные места, отчий замок и земли?..

Робер криво усмехнулся в ответ:

– Ваше величество, – с грустным вздохом ответил он, – у меня ничего не осталось в Нормандии. Все забрано за долги, продано и отчуждено...

– Да? Странно мне это слышать!.. – Генрих удивился не на шутку словам графа. – Земли крестоносца забрали за долги?! Кто и куда?..

– Вы, сир, в доход короны... – спокойно ответил ему Робер.

Генрих растерялся и с виноватым видом посмотрел на Гуго де Биго. Тот пожал плечами и закивал головой, мол, так

все и было...

– Мы, Генрих Английский, Божьей милостью король Англии и герцог Нормандии, дабы исправить несправедное, повелеваем Вам, граф Таррагона Робер Бюрдет, вступить во владение всеми фамильными землями, людьми, замками и иными доходными местами, кои ваши предки владели от наших предков, герцогов Нормандии. – Он посмотрел на де Биго. – Проследим, чтобы так и было...

– Благодарю вас, сир, – Робер встал и низко склонил голову перед королем. – Только мне нет нужды принимать в собственность то, что уже давно не принадлежит мне и моему роду...

Король встал и снова нахмурился. Он подошел к окну и, глядя в даль, произнес:

– Вот так всегда. Власть часто слепа и жестока к своим верным подданным...

– Не совсем так, ваше величество... – ответил ему Робер. – Доля вины моего отца здесь есть, и она велика...

– Вот как? – Генрих резко развернулся и его снова ударил прострел. Он ойкнул и, согнувшись в три погибели, еле доковылял до кресла, со стоном опустился на него, тихо застонал и сказал. – Неужели?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.